

— Все в порядке, Надежда Сергеевна. Полицию не вызывайте, обещаю музыку громко не слушать.

Соседская дверь бесшумно закрылась. Я скачал в Интернете «День сурка», но не досмотрел — уснул на середине.

Кто такая Лариса? Что я натворил и почему меня убивают? При чем здесь воскрешение из мертвых? В сверхъестественное не верю, значит, единственное объяснение — белая горячка, галлюцинация, шизофрения. Мне нужен психолог. Точнее, психиатр.

Когда я признался самому себе в неадекватности, стало легче. Проблема четко обозначилась, а значит, появились варианты ее решения. Прежде всего надо было найти соответствующего специалиста. Спросить у знакомых я не мог — публично расписываться в собственном психозе не хотелось. Искал по каталогу в Интернете. Выбрал по фотке — ну а как еще выбирать, если никого не знаешь? А тут дамочка на вид ничего так. Не то чтобы в моем вкусе — слишком строгое лицо плюс очки. Зато всякие дипломы нужны при ней. Назначила мне встречу через два дня. За это время я успел выиграть в лотерею миллион (получить его все равно не вышло), укатать Семена и еще двоих наших в очко (плевое дело, если знаешь весь расклад), переспать с девушкой Толяна и разбить ему физиономию (ни он, ни она об этом на следующий день не помнили), нагругить начальству, затем уволиться (тоже без последствий) и дважды умереть. После чего я понял, что «послезавтра» никогда не наступит и для меня существует только «сегодня», которое странным образом переплетается с «вчера». В одно из повторяющихся утр я вместо мастерской отправился на прием без записи, прождал в коридоре два часа, но меня наконец приняли.

Звали докторшу Ирина. Пришлось заполнять кучу бланков с дебильными вопросами вроде «мечтаю ли я убить своих родителей», «посещают ли меня навязчивые идеи» и «как часто мне хочется покончить с собой».

Сказать, что за мной следят и хотят убить? Паранойя налицо. Надо как-то иначе.

— Последнее время мне кажется, что я уже умер.

Похоже, мое заявление докторшу не удивило. Видимо, к ней приходят психи с проблемами покругче. А может, в городе целая эпидемия свежеебитых ходящих мертвецов.

Ирина расспрашивала меня о моем детстве, показывала черно-белые картинки с геометрическими фигурами. Сейчас поставит диагноз вроде «маниакальной депрессии», выпишет каких-нибудь таблеток и отправит восвояси, предварительно облегчив мой кошелек. Эти мозгоправы зарабатывают дай Бог каждому.

Я угадал без всякой мистики: успокоительное средство, нормированный рабочий день, физкультура-спорт и повторный визит через две недели. Правда, не так уж дорого — видимо, клиника новая.

Я решил попытаться.

— Ирина, можно задать вам личный вопрос? Ответ на него очень важен.

— Пожалуйста, — ответила она.

— Сколько вам было лет, когда вы в первый раз... хотя нет, не хочу вас смущать. Просто расскажите мне о себе что-нибудь, чего никто не знает.

— Странная просьба, — усмехнулась Ирина, — ну что ж. Когда мне было десять лет, я украла книгу из библиотеки. Называлась она «Белый Бим Черное ухо». Я мечтала о со-

баке, но родители были против. Годится?

— Вполне.

Домой возвращался с мыслью «будь что будет», с нездоровым предвкушением ожидая свою смерть.

Перед тем как мне накинута удавку на шею, дохнув в лицо перегаром, я успел спросить:

— Кто такая Лариса?

— Моя дочь, убудок, — прозвучало в ответ и слилось с пустотой.

Назавтра я уже не ждал в коридоре. Явился в клинику раньше всех и подловил Ирину на входе.

— Послушайте, у меня нет времени — вечером меня убьют. — Я загородил женщине дорогу.

— Если вы так серьезно считаете, обратитесь в полицию, — посоветовала докторша, пытаясь меня обойти.

Ну вот, сейчас. Только что делать, если не сработает?

— Когда вам было десять лет, вы украли книгу из библиотеки.

Ирина вздрогнула.

— Не понимаю, о чем вы.

— «Белый Бим Черное ухо», помните? Родители не разрешали вам завести собаку.

— Кто вам об этом сказал?

— Вы сами. Ну так что, поговорим?

Секретарша сварила нам кофе. Ирина продолжала недоумевать по поводу давнишней библиотечной книжки, никак не могла поверить. Да кто ж поверит в подобный бред? Я пустил в ход все свое красноречие.

— Понимаете, мне очень нужно узнать, кто такая Лариса, почему меня из-за нее постоянно убивают. Что это за мистика с воскрешением из мертвых? Не снится же мне оно? И вы с вашей книжкой не приснились — я был здесь вчера, только для вас это опять сегодня.

Ирина сидела за столом, задумавшись. Она, скорее всего, моложе, чем выглядит. Деловой костюм, едва заметный макияж и серьезное лицо с выражением как у школьной училки кого угодно сделают старше.

— Интересный случай. Хотелось бы им заняться прямо сейчас, но у меня весь день пациенты. Если верить вашим словам, то послезавтра вы на прием прийти не сможете. С другой стороны... Давайте проведем небольшой эксперимент. Я вам напишу такое, на что наверняка прореагирую определенным образом, отменю прием и, пожалуй, сама запишусь к психотерапевту. — Ирина попыталась улыбнуться. — Не пароль от банковского счета, конечно, и не компромат какой, но все же. Вы же в свою очередь проанализируйте каждый из повторяющихся дней: что бросилось в глаза, что выглядело нелогичным. И постарайтесь не выходить из дома, попросите кого-то из друзей побыть с вами на всякий случай. Да, там номер моего сотового тоже.

Докторша протянула мне лист бумаги, сложенный вчетверо. Мне предстояло выучить текст наизусть — завтра он все равно исчезнет. Врач-психиатр — это не частный детектив, однако ни один сыщик не возьмется за это дело, если он не конченный псих. А тут меня хотя бы выслушали. И что интересно, даже денег за прием не взяли, пусть деньги для меня сейчас — последнее, о чем я стал бы беспокоиться. На работу я даже не позвонил — какой смысл, если завтра опять то же самое. А если нет — то уж найду, как объясниться. Весь день просидел дома. Через несколько часов позвонила Ирина, узнать, все ли у меня в порядке.

— Я вот что подумала. Если среди ваших знакомых девушек нет ни одной Ларисы, то она наверняка из клиентов автосервиса. Вы же не всех их помните. Подумайте, может, вы нагрубили кому-то, обидели кого или обсчитали...

— Хорошо, постараюсь, — ответил я.

Вечер прошел спокойно. Никто не ломился в дверь с целью меня убить. Я обрадовался, что кошмар закончился, но все еще боялся ложиться спать. Под утро уснул, а проснувшись, почувствовал себя свободным человеком, словно груз с души упал. Иринина записка валялась на столе, где я ее вчера оставил. Поход к психоаналитику в свете нового дня показался смешной затеей. Стишок она мне там написала. Дура очкастая. К черту похмельный бред. Глюк в системе, вот что со мной случилось. Пить надо меньше, телек меньше смотреть. Бабу нормальную завести, тогда и крыша ехать перестанет.

Солнечные лучи, пробивающиеся через оконные занавески, запах свежесваренного кофе и босанова из динамиков на полную мощь свидетельствовали о том, что начался новый нормальный день. Ура, я жив, и это большая удача. Однако радовался я недолго. Выстрелили в меня на выходе из подъезда. И хоть мне показалось, что очнулся я почти мгновенно, на улице уже вечерело.

— Константин, как вам не стыдно! Вы пьяница и дебошир! Ужрались до полной потери сознания! — Соседка раскачивалась надо мной, как надувная фигура мультяшного Супермена перед Макдональдсом. — Еще и физиономии себе разбили. Вы что, с лестницы упали?

Я провел ладонью по лицу. Надо же, кровь. В голову, сука, стрелял.

— Все в порядке, Надежда Сергеевна. Уже иду домой. Полицию только не вызывайте. Впрочем, как хотите. Можете вызывать, дело ваше.

Я с трудом поднялся и, шатаясь, поплелся наверх.

— Послушайте, у меня нет времени — вечером меня убьют. — Я загородил Ирине дорогу.

— Если вы так серьезно считаете, обратитесь в полицию, — прозвучало в ответ.

— Когда-то давно вы украли книгу из библиотеки, потому что родители не разрешили вам завести собаку. Впрочем, черт с ней, с книгой. Вот послушайте. Только не кричите, пожалуйста. У вас такой вид, как будто вы сейчас заорете. Я не маньяк. К тому же тут везде камеры. Просто послушайте. — Я схватил Ирину за руку, притянул к себе и зашептал, почти касаясь губами ее аккуратно уложенных волос:

*Удача в чем? Стара печаль как мир —
Кому вино, кому кефир-клистир,
Кому взлететь, кому совсем иначе.
Кому везет в очко и в домино,
Кому-то откровенно все равно,
В чем видеть свою главную удачу...*

Там дальше что-то еще, но я забыл. Но я вспомню. Хотите? Вспомню...

Ирина высвободила руку. Глаза ее выражали смятение, непонимание и полную растерянность.

— Откуда вы знаете эти стихи? — спросила она.

— От вас.

— Идемте за мной, — Ирина вошла в лифт, — в кабинете все мне расскажете.

Я последовал за ней, на ходу отмечая стройную фигуру и длинные ноги, которые не скрывала деловая строгая юбка.

— Значит, вы говорите, что приходили сюда вчера...

ФАНТАСТИКА

— И позавчера, — добавил я, — только для всех остальных это все равно сегодня.

Кресло подо мною было мягким и теплым. При других обстоятельствах я бы в нем с удовольствием подремал.

— Допустим, я вам верю. Допустим, для того чтобы ваши злключения кончились, нужно узнать, кто и за что вас собирается убить. — Ирина сняла очки и уставилась в одну точку перед собой. Без очков она мне даже нравилась.

— У меня нет ни одной знакомой Ларисы, включая школьных подружек и случайных барышень. Я не помню, чтобы я кому-то хамил или грубил настолько, чтобы меня в отместку резать. И вот еще: почему каждый раз он меня убивает по-разному? То стреляет, то душит? Зарезать, правда, пытался дважды. А во всем остальном — ну просто гений разнообразия.

— Видимо, когда день ваш идет иначе, чем вчера, то случай подсовывает убийце самое удобное на данный момент орудие преступления. Судите сами, спрятавшись в подвале, вы лишили убийцу возможности напасть на вас с ножом внезапно, и Провидение позаботилось о том, чтобы снабдить его более надежным орудием убийства. Если вы, конечно, верите в Провидение.

Сейчас я был готов поверить хоть в черта лысого.

— От него перегаром несло, когда он душил меня пару дней назад, — угрюмо добавил я.

— Вполне возможно, ваш убийца невменяем или в состоянии аффекта. По какой-то причине считает вас виноватым в несчастье, постигшем его дочь, и мстит. А ведь он ни разу не промахнулся, да и ножом владеет неплохо. Вероятно, имеет разрешение на ношение оружия.

— Бывший военный или мент? Мужик крепкий, вне сомнения. Лицо самое непримечательное. У меня вообще на лица память отвратительная. Даже если и встречал где-то — могу не вспомнить. Другое дело, если тачку чью-то видел — уже никогда не забуду.

— У вас есть доступ к базе данных клиентов автосервиса? — спросила Ирина.

— Нет, да мне никогда и не требовалось.

— Боюсь, что вам придется отправиться сейчас на работу и кое-что разузнать, — подытожила докторша и набросала мне список, чтоб я не забыл.

Уходя, я спросил ее:

— А что в тех стихах такого особенного?

Ирина усмехнулась:

— Я их сочинила вчера ночью и никому не показывала.

Впервые за несколько дней мне сделалось спокойно, словно тяжкий груз, внезапно свалившийся на мои плечи, если не разделили пополам, то значительно облегчили — ровно на столько, чтоб можно было оглядеться, отдышаться и внезапно почувствовать отчаянное желание жить. Ирина что-то записывала в блокнот, вряд ли подозревая о вихре эмоций, захлестнувших меня с головой. Взять за

руку? Нет, не то. Пригласить куда-нибудь (разумеется, когда весь кошмар уже закончится)? Тоже не то.

— Ира...

Она удивленно взглянула на меня.

— Спасибо.

На ресепшене у нас Алена, девушка Толика, с которой мы в один из недавних дней прямо в подсобке выяснили, что секс может быть не просто быстрым, а стремительно быстрым. И хоть Алена ничего не помнила, я испытывал нечто вроде смущения, глядя на нее.

— Слушай, — сказал я ей как можно спокойней, — чего у тебя вид такой заspanный? Небось Толик стиркой-уборкой грузит?

— Да иди ты, — отмахнулась Алена, уткнувшись в компьютер. — Что, правда плохо выгляжу?

— Выглядишь ты, как всегда, потрясно. Но уставшей. Кофе попей. Эклер съешь. Хочешь? Я по дороге купил, могу поделиться.

— А чего ты такой вдруг добрый? Клинья подбиваешь?

— Я серьезно. Мне заодно кофе забацай. А я тут вместо тебя постою.

Алена упорхнула, прихватив пакет с пирожными. Сладкое, конечно, ей ни к чему. Еще пару лет потребления таких пирожных — и будет порхать, как корова на лугу.

Компьютер остался под моим присмотром.

Ларис в нашей базе данных нашлось четыре: последняя «инфинити», пятилетний «рено-логан», позапрошлогодний «вольво-V60» и древняя отечественная «копейка» — музейная редкость и символ эпохи.

Но я в последние несколько месяцев не обслуживал ни одну из этих машин, а значит, не мог пересечься с их владельцами. Судя по всему — Лариса довольно молода, раз в дочках у моего убийцы. Ну, явно не на «копейке» разъезжает. А что, если тачка оформлена у нас на мужика, а Лариса просто на ней приезжала? Вот ведь задача...

Я скинул данные Ирине и, дождавись Алёну, отправился выяснять, не спрашивал ли обо мне кто-либо в последнее время.

Ближе к обеду вышел покурить, глянул в телефон — пропущенный звонок от Ирины и несколько сообщений:

«Нашла вашу Ларису в сводке новостей».

«Несчастный случай на прошлой неделе».

«Не справилась с управлением».

«Кажется, в тот день шел дождь».

«Позвоните мне».

«Не могу до вас дозвониться. Скоро буду».

Уже собирался звонить, но увидел, что она паркуется напротив автосервиса.

Когда она вышла из машины, я ее даже не сразу узнал. Видимо, прилизанный офисный прикид у нее только для клиники, а вне работы — нормальная девушка, хорошенькая, на каблуках и с кудряшками.

— Костя! — Ирина махнула мне рукой.

Я бросился к ней и не успел.

Меткий отец Ларисы промахнулся. Он не ожидал, что я сорвусь с места. Не ожидал, что Ирина побежит навстречу ко мне. Пуля пронеслась возле самого моего виска, и я не сразу понял, что произошло. Ирина осела на тротуар, распечатки бумаг выпали у нее из рук и разлетелись по мостовой.

Убийца не пытался скрыться. Он, не сопротивляясь, дал мне уложить себя лицом в асфальт.

— Я не хотел. Я стрелял в тебя. Я не хотел в девушку.

— Хотел в меня? Вот и давай. — Я поднял его с земли, сунул ему в руку упавший пистолет, предварительно взведя курок. — Давай же. Стреляй. Мы все переиграем. Я как раз очень желаю сейчас помереть. Потому что все неправильно. Это нужно заново. Ну же.

— Ты убил мою дочь, — пробормотал незнакомец.

— Я убил всех на свете дочерей. Стреляй уже.

Но он так и не выстрелил.

А потом подросли Семен, Толик и еще парочка механиков. Начались сумятица и переполох, кого-то били, кто-то кричал. Сквозь плотный туман я видел только Ирину, держал ее тонкую бледную руку, и мне не верилось, что все кончено. Где-то над ухом бубнил Семен:

— Ну да, я делал в ихнем «логане» тормоза. Еще радовался, что колодки фирменные недорого нашел. Росстандарт на упаковке, знак качества. Я ж не для того, чтоб разницу в цене в карман положить... Мужик приходил потом в журнал смотреть, хотел узнать, чья смена была. Корочками размахивал. Я и правда забыл, Костик, что я тебя подменял. А в журнале так и осталось. Кто ж знал, что это папаша той девочки. Я не зассал, я просто забыл. И не для того, чтоб разницу в карман. Да там и разница-то небольшая... Мужики, ну что ж вы на меня так смотрите все, а? Пенсия копеечная, а колодки — как родные, только дешевле...

Семен продолжал причитать сквозь вой сирены «скорой помощи», а мне все казалось, что это меня, а не Ирину сейчас погружат на носилки, укрыв белой простыней, и увезут туда, где нет ни солнца, ни осени, ни света. Вообще ничего.

Я очнулся от прикосновения к лицу чего-то махрового, пушистого, пахнущего, как ни странно, чесноком и жареным луком. Ядовито-зеленый шарф Надежды Сергеевны болтался у меня перед глазами. Соседка критически оглядывала мое распластанное на лестничной клетке тело.

— Вот я стою и думаю: кого вызывать — милицию или «скорую помощь»?

Я медленно поднялся, хватаясь руками за стену.

— Раньше вытрезвители были для таких, как вы, — продолжала Надежда Сергеевна. — А теперь вот — полюбуйтесь, какой сервис.

Соседка всунула мне в руку рекламный буклет. Буквы расплзались по глянцевой бумаге, но спорить с не в меру заботливой теткой не хотелось.

«Лечение алкогольной и наркотической зависимости, стрессов и клинической депрессии. Помощь квалифицированного психолога. Скидки новым клиентам. Телефон для записи...» Я замер, разглядывая знакомое лицо на фоне здания клиники.

Ничего не кончилось? Или кончилось, но... Сейчас ночь, в клинику звонить поздно. А ведь Ирина давала мне свой мобильный на клочке бумаги вместе со строчками, которые я забыл. Но я вспомню, обязательно вспомню...

Нам выпадет удача из удач,

А дальше хочешь — смейся, хочешь — плачь,

Грызи кулак, толкай себя с обрыва,

Авось сумеешь умереть красиво.

Бесшумно вой, пока соседи пьют,

Под утро обязательно найдут

И откачают (если повезет).

Удача — это смерть наоборот,

А значит, не зависит от цены.

Мы вечно на нее обречены.

